

Вы меня не понимаете!

— Я раньше никогда не был у психолога, что нужно делать?

— Сначала скажите, что вас подтолкнуло записаться?

— У меня болит колено и спина, особенно шея.

— Хотел бы я помочь вам с этим, но почему выбрали психолога?

— Моя девушка сказала, что это может помочь.

— А Вы почему выбрали психолога?

— Потому что моя девушка сказала, что мне бы и с остальным поработать.

Миша смотрел на меня из-под бровей, очень больших, густых темных бровей. Всем телом он был вжат в кресло, даже держался руками за боковушки, будто в попытке удержать себя на месте. Но вот глаза... Глаза меня избивали.

— С чем именно «остальным»?

— Не знаю. Я хотел прийти вместе с ней, чтобы она сказала, что надо сделать. Но она рекомендовала начать рассказа про шею.

Тишина.

— Если вам надо будет меня осмотреть, вы можете потрогать.

— Михаил, радостно видеть, когда клиент готов к работе, но перед ощупыванием попробуем немного больше узнать о вас.

— Хорошо, что надо?

Миша вырос в традиционной кавказской семье. Трудно сказать, что ему казалось труднее: представить себя без спорта или спорт, в котором его не будет. Учился он хорошо, ладил со всеми отлично, но еще лучше он умел переводить «схватку в партер». Греллинг был не единственным его увлечением, он отлично играл в баскетбол, футбол и пинг-понг. Последнее было особенно неожиданно услышать. Еще Миша отлично танцевал. Родители Михаила познакомились на танцах, куда его отец сбегал из дома тайком. Альбину, так звали маму моего подопечного, поразило, что кавказский мужчина знает танго. Где были выучены или подсмотрены движения, папа так и не сознался даже спустя 30 лет брака.

Естественно, ни о каких танцах в семье отца речи не шло, и после непродолжительной спортивной карьеры он занялся тренерством. Окончил институт физической культуры, а после пошел работать в школу. Мальчишки любили «дядю Роба», так они звали Роберта Михайловича, отца Миши, и просили научить их драться после уроков. Дядя Роберт пришел на собрание и взял разрешение с родителей. Позже такой послеурочный факультатив перерос в полноценную секцию и сепарировался от школьного здания.

— Как на данный момент у вас складываются отношения с остальным вашим окружением, помимо девушки?

— Да у меня, наверное, нет как такого окружения. Я живу с родителями.

— Сколько вам лет? — с этого и начался мой провал, с

вопроса сколько ему лет, сразу за сообщением о проживании с родителями.

Миша слегка смутился, немного вскинул густые брови и ответил: «26, через пару месяцев будет 27».

— То есть на данный момент ваше окружение состоит из вашей девушки и родителей?

Миша вскинул брови вновь, немного сильнее и снова отвечал: «Да, через пару месяцев у нас дома еще появится кот, мама заказала».

Мне стоило бы быть внимательнее к его бровям, но что приковало мое внимание больше, так это проживание с родителями. Я почему-то сразу увидел в этом проблему. К сожалению!

Мне сразу будто показалось совершенно понятным возмущение и попытка отправить свою вторую половинку к психологу. Слова, которыми Михаил начал встречу, также вписались в это общее впечатление: «Я хотел прийти вместе с ней, чтобы она сказала, что надо сделать». «Ну, все предельно понятно!» Опять-таки, к сожалению, мне думалось, что все предельно понятно. В какой-то момент я даже будто бы ощутил раздражение: «Видимо, он будет теперь ждать, что я скажу, как ему жить».

Вместо попытки понять, у меня случилась мысль «я уже все понял».

— Михаил, как вам живется с родителями?

— Да, нормально.

— Обычно, когда мы вырастаем, у нас появляется свой уклад и сложно продолжать жить по родительскому распорядку.

— Да, бывает трудно, — Миша был немногословен. А я уж было стал напрягаться.

— А в чем эти трудности?

— Когда Марго хочет увидеться, я бываю часто занят работой по дому. Ее это тоже злит.

— Что она обычно говорит вам в такие моменты?

— «Сколько можно носиться с родителями, ты уже взрослый парень. Если маме нужна помощь, ей поможет папа», — монотонно процитировали мне девушку.

— И что вы думаете об этих словах?

— Наверное, она права. Но мне сложно отказать родителям, если они что-то просят.

— Как они реагируют на ваш отказ?

— Хм, я не знаю.

— Вы не пробовали? — брови вскинул уже я.

— Кажется, нет.

Моя вера в то, что мне все понятно, стала еще больше.

А вам все понятно? Глядя на этот короткий отрывок, что вы можете сказать про Михаила? Как вам кажется, у него пройдена пресловутая «сепарация»? А достаточно ли он зрелый?

Когда я учился в университете, преподаватели часто говорили об инфантильности клиентов. Помню, мы с другом партизанили, задавая им каверзные вопросы, в надежде услышать: «Ну, да, я не прав, что называю клиентов инфантильными, уж вы-то, студенты 2 курса, правы». Каким можно назвать студента, который ждет такого от преподавателя? Правильно, инфантильным!

Но особенно жаль то, что понятие инфантильности переключалось из нашего бытового языка в психологию, а затем вернулось обратно. Обогащенное множеством издевок над тем, к кому оно обращено.

Последнее время большой тренд у психологов: сокрушаться о том, что люди используют психологические слова «травма», «личные границы» и всеми любимые типы привязанности. Насколько справедлива эта претензия, если учесть, что изначально сами психологи «забрали» эти слова у людей, переделав их в научные понятия? Это общая тенденция гуманитарных наук: стырить у людей бытовые терми-

ны, сделать из них научные, а потом злиться что все кругом их используют неправильно.

Вы когда-нибудь видели, чтобы математики взяли какое-то слово из обихода и сделали его «математическим понятием»? Парочку, может, и найдется. Но психологи точно преуспели!

Есть байка и, кажется, правдивая, что Павлов Иван Петрович, известный на весь мир ученый-физиолог, относился жестко к правилу «в моей лаборатории никаких психологических слов». Нет, он не боялся слова «абьюз». Все дело в строгости научного языка. На первый взгляд кажется ретроградством и занудством. Но как можно обсуждать теорию, если произнося понятие «личность, каждый из 10 участников обсуждения будет думать о чем-то своем? Кстати, чем больше людей будет при обсуждении понятия «личность», тем больше будет дефиниций. Поведенческие психологи так устали от попытки понять, что же такое эта личность, что просто выбросили его из своей научной парадигмы, назвав больше гуманитарно-эзотерическим. Нет у вас личности, господа и дамы. Живите с этим!

В психологии так со многим. Личность эмоции, сознание, мышление и еще много всего, что мы все используем каждый день, чтобы усложнить нашу жизнь, в психологии не «договорено». Нет единого языка. Есть множество школ, каждая из которых, движимая нарциссизмом и зависимостью создателя, наплодила сущностей. А теперь студентам психфака надо за 6 лет успеть к ГОСам выучить, какие байки там выдумали их уже почившие коллеги. Я не завидую тем, кто будет учиться лет через 50. Наши современные мэтры успеют еще наклепать новых «слов», которые больше нельзя будет использовать простым смертным без психологического

образования.

Возможно, вы оптимист и решите, что за 50 лет разберутся там «наверху». Наведут порядок.

Выготский еще в начале 20 века констатировал, что психология распалась на множество изолированных направлений, таких как бихевиоризм, гештальтпсихология и психоанализ. Он показал, что за этим многообразием кроется фундаментальный раскол на две несовместимые парадигмы: условно «объяснительную» (материалистическую, изучающую физиологию и поведение) и «описательную» (идеалистическую, изучающую субъективные смыслы и переживания). Кризис также усугублялся тем, что каждая новая школа пыталась превратить свое локальное открытие в универсальный закон, стремясь объяснить им всю человеческую психику целиком.

И нынешний тренд на интегративность Лев Семенович бы точно не одобрил. Он категорически отвергал эклектику, попытки исследователей механически склеить несовместимые концепции, например, соединить идеи Фрейда и Павлова. Для преодоления раскола он предложил разработать «общую психологию» с собственным понятийным аппаратом, который учитывал бы специфику психики и не был бы вслепую скопирован из биологии или физики.

Что же мы видим? Все с точностью наоборот. Понятия мигрируют из одной школы в другую, а со временем и вовсе утрачивают специфичность и объем. При этом психологии сетуют на обывателя, что тот издевается над словами.

Как же выглядит современная интегративность? Научно-доказательная парадигма сыграла здесь со всеми нами злую шутку. Возьмем «золотой стандарт КПТ. Я взял в кавычки не потому, что иронизирую, а